18+

Карл Розенкранц

Жизнь Гегеля

Книга III — Гегель в Берлине

Карл Розенкранц
Жизнь Гегеля. Книга III – Гегель в Берлине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70623496
ISBN 9785006288423

Аннотация

Книга III посвященна пребыванию Гегеля в Берлине с 1818 по 1831 год. В это время Гегель преподавал в Берлинском университете и принимал участие в развитии прусской политики, культуры и общества. К этому периоду относятся многие из его посмертно опубликованных лекций, а также его оригинальные работы: «Философия права» (1821), второе и третье издания «Энциклопедии философских наук» (1827, 1830) и несколько заметных материалов для журналов.

Содержание

Введение с кратким изложением книги III 6
Глава первая – Переезд в Пруссию 7
Глава вторая – Берлин и философия 10
Карл Зольгер 11
Фридрих Шлейермахер 12
Глава третья Инаугурационная речь в Берлине 14
Пруссия и Реставрация 15
Историческая школа права 16
Наивность в отношении Пруссии 16
Глава четвертая – Якоб Фриз и демагогия 18
Глава пятая – Защита теории цветов Гёте 21
Глава шестая – Полемика против теологии чувств 24
«Чувство абсолютной зависимости» 26
Глава седьмая – Интерес Гегеля к искусству 29
Глава восьмая – Жизнь в обществе 33
Глава девятая – Путешествия 38
Глава десятая – Кузен и Гегель 41
Глава одинадцатая – Философия истории и Восток 44
Философия истории 44
Восток 47
Глава двенадцатая – Школа и ее прозелитизм 49

Глава тринадцатая – Основание Берлинского ежегодника критики 54
Глава четырнадцатая – Участие Гегеля в Берлинских ежегодниках 58
Рецензия фон Гумбольдта 58
Рецензии Зольгера и Гаманна 59
Рецензия на Гёшеля 60
Доказательства существования Бога 61
Ответы критикам 62
Заключительные рецензии 63
Глава пятнадцатая – Второе и тРЕТЬЕ ИЗДАНИЯ Энциклопедии 65
Глава шестнадцатая – Ректорство Гегеля и празднование Аугсбургского исповедания в 1830 году 69
Глава семнадцатая Критика английского законопроекта о реформе 1831 года 71
Глава девятнадцатая – Празднование последнего дня рождения Гегеля 73
Глава двадцатая – Смерть Гегеля 77
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Жизнь Гегеля
Книга III –
Гегель в Берлине

Карл Розенкранц

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Карл Розенкранц, 2024
© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2024

ISBN 978-5-0062-8842-3 (т. 3)
ISBN 978-5-0062-8560-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение с кратким изложением книги III

Книга III посвящена пребыванию Гегеля в Берлине с 1818 по 1831 год. В это время Гегель преподавал в Берлинском университете и принимал участие в развитии прусской политики, культуры и общества. К этому периоду относятся многие из его посмертно опубликованных лекций, а также его оригинальные работы: «Философия права» (1821), второе и третье издания «Энциклопедии философских наук» (1827, 1830) и несколько заметных материалов для журналов. Эта заключительная книга биографии Розенкранца довольно короткая (150 страниц), но она особенно интересна из-за свежего и удивительного тона и цвета, с которым он пишет о Пруссии, основываясь на своем личном опыте. Она также контрастирует с гегелевской литературой, которая проецирует назад предполагаемый патернализм Пруссии эпохи после Бисмарка.

Глава первая – Переезд в Пруссию

Годы жизни Гегеля в Берлине пришлись на период, известный как Реставрация, который последовал за поражением наполеоновской Франции в 1815 году и мирным урегулированием Венского конгресса.

В Гейдельберге стало ясно, что Гегель стал более понятным как лектор, и его самооценка повысилась. Город Гейдельберг окружен природой, и его дух – это радостный реализм, ориентированный на профессиональные знания. Способные люди, такие как Якоб Фрис, вскоре стремились уехать дальше.

В то время как Швабия была глубоко немецкой, Пруссия была населена германизированными славянами и граничила с Россией, а не с Францией. Пруссия стремилась к объединению, причем сначала в культурном плане. Она впитала в себя французское влияние, как реформированное (например, гугеноты), так и атеистическое во времена Регентства. Академия наук была основана Лейбницем в 1700 году. После поражения под Йеной в 1806 году в Пруссии расцвели искусство и наука. В 1810 году был основан Университет Фридриха Вильгельма. Университет выступал посредником между наукой (в основном аристократической) и общественным мнением.

У Пруссии нет естественных границ, кроме Балтийского

моря, и поэтому она соприкасается со многими весьма разнообразными культурами. Ее территория наполовину состоит из завоеваний, наполовину – из династического наследования. Ее население сначала было протестантским, к которому после 1815 года добавились католики. Розенкранц пишет:

Отказавшись от науки, Пруссия отказалась бы от самой себя, ибо она во всем искусственное, сконструированное государство, которое может прийти к единству только с помощью культуры». (490)

То есть здесь нет ни конфессионального единства, ни естественных границ, ни общего природного ресурса, который бы скреплял людей. Розенкранц развил эту идею в своей «Истории кантовской философии» (стр. 99). Философия долга Канта говорила об этом, и Гегель как ее разработчик играл здесь естественную роль. С 1817 года прусским министром народного просвещения и религии был фон Альтенштейн (1770—1840, см. ниже):

Альтенштейн добивался назначения Гегеля. Это, считает Розенкранц, было просто проявлением прогрессивных тенденций в Пруссии. Карл Зольгер, коренной пруссак, привлек внимание Альтенштейна к Гегелю. Его письма к Гегелю носят уважительный характер, и 24 января 1818 года Гегель принимает новое предложение.

Альтенштейн внес 3 000 талеров в качестве аванса (включая расходы на переезд). Он согласился назначить Каро-

ве и Людвига фон Хеннинга корреспондентами гегелевских курсов и проявлял к Гегелю заботу. Его сестра помогла Гегелю переехать. Письма Гегеля (они теперь утеряны, но Розенкранц имел их в виду) свидетельствуют о большом энтузиазме Гегеля в Берлине летом 1818 года. Сначала он жил на Лейпцигерштрассе, а затем в Купферграбене. Последний находится на острове на реке Шпрее:

Из окон его дома открывался вид на сады Монбижу и реку Шпрее:

Письма Зольгера к Тику свидетельствуют о том, что Зольгер ценил Гегеля в сочетании с любопытством. К сожалению, вскоре после этого Зольгер умер.

Глава вторая – Берлин и философия

В Берлине царит критический дух, который Розенкранц описывает следующим образом:

Берлин – город абсолютной рефлексии, и эта неугомонность мысли сосуществует с еще не завершенным развитием прусского государства, как и самой столицы. В Берлине нет ничего наивного, ничего непосредственного, но все в нем – работа рефлексии. (494)

Во всех классах общества присутствует острая рассудительность, которая придает им практическую направленность. Размышления могут привести к иронии, даже к скуке и бездействию. Чтобы преодолеть ее, необходимо неустанно стремиться к ней.

Философия преодолевает дуализм рефлексии. Религия преодолевает противоречия на уровне чувств: так, например, происходит в Вене. Но в Берлине сама религия пронизана рефлексией. Ее вера – это не спонтанная преданность, а попытка постичь собственное содержание.

Таким образом, университет дал Берлину возможность самовыражения. Там преподавал Фихте (1810—1814), покинувший Йену в 1799 году и недолго преподававший в Эрлангене в 1805 году. Фридрих Шлейермахер (1768—1834) был более важной фигурой для берлинцев. Карл Зольгер (см. ниже) учился у Фихте, преподавал и с 1811 года до своей смер-

ти в 1819 году работал в Берлине в качестве профессора:

Карл Зольгер

Гегель писал о Зольгере через 10 лет после его смерти. Зольгер был промежуточной фигурой между Шеллингом и Гегелем и отвечал тем, кто стремился подвергнуть спекуляцию испытанию. Как и Шеллинг, он писал о диалектике, этике как политике, эстетике и философии религии, но не в систематизированном виде. Ему почти нечего было сказать о натурфилософии. В политическом плане он был согласен с Гегелем. Диалектику он представлял как диалог. Философская деятельность, таким образом, приобрела социальную форму: вопрос-ответ. Он остановился перед гегелевской идеей «самодвижения понятия», которая абстрагирует от таких субъективных форм. Зольгер придерживается диалогической точки зрения и не одобряет гегелевскую привилегию спекулятивной научной мысли. Зольгер пишет:

Несомненно, эти философы [как и Гегель] фактически признают высшую спекулятивную мысль как совершенно отличную от обычной мысли, но они считают ее в ее законности и универсальности единственно действенной, а все, что не является ею, включая эмпирическое сознание в той мере, в какой оно не связано с этими законами, – фрагментом их, ошибочным и пустым во всех своих отношениях.

Розенкранц пишет по этому поводу:

Гегель никогда не оспаривал необходимость опыта как такового, но он тщательно показал, как в силу своих собственных противоречий он толкает от себя к всеобщности и к необходимости детерминаций.

Зольгер изучал идеи творения, любви и жертвоприношения через античную мифологию. Он использовал иронию, чтобы ввести отрицание в свои рассуждения. Зольгер и Гегель были друзьями и обменивались терминами о преподавательских обязанностях.

Фридрих Шлейермахер

Теперь мы вернемся к отношениям Гегеля с Фридрихом Шлейермахером (см. ниже), которые также являются темой другой главы.

Ранняя литературная слава Шлейермахера возникла благодаря его «Речи о религии перед ее культурными презрителями» (1799). Он был проповедником в Берлине, и вокруг него собралась община. Он читал лекции в Берлине:

диалектике
психология
этика
эстетика
истории философии.

Он внес вклад в теорию веры и развитие протестантизма. Типично северогерманский характер, он был замкнутым, са-

моконтролируемым, но открытым к деятельности, «мастер рефлексии стать природой». Однако у него не было взаимопонимания с Гегелем. В это время теолог де Витте (1789—1849) написал письмо матери Санда, студента-теолога, который зарезал Коцебу как подозреваемый в шпионаже в России. Де Витте был уволен из университета, а Санд казнена. Это привело к ссоре между Гегелем и Шлейермахером в 1819 году [см. корр. письма 359, 390]. После нее они написали друг другу уважительные письма, как только остыли чувства. Эдуард Ганс [1836] полагает, что источником антипатии стало противодействие Шлейермахера приему Гегеля в Академию. Фихте тоже не был в Академии, и это считалось неподобающим для философа, создавшего школу. На публике эти два человека хорошо ладили друг с другом и даже вместе катались на санях в саду Тиволи. Однако их ученики образовали враждебные лагеря. Гегель, в свою очередь, не хотел, чтобы Шлейермахер участвовал в работе «Берлинского журнала».

Гегель преподавал свою систему дисциплинированно. Этот методичный подход дополнял разносторонность Шлейермахера. Это также способствовало тому, что Гегель, подражая ему, стремился превзойти своего коллегу. Розенкранц [в отрывке, цитируемом Кауфманом] говорит, что необходимо было привести в соответствие северо-восточные и юго-западные элементы немецкого духа. Многие люди со всей Германии и Швейцарии посещали курсы обоих мужчин.

Глава третья Инаугурационная речь в Берлине

Если бы «Философия права» была издана в неизменном виде, ее бы скорее изучали, чем обсуждали, комментирует Розенкранц, но Гегель добавил множество замечаний, касающихся актуальных вопросов, таких как

– вспомогательный характер римского права по отношению к современному праву

– слабость совести, независимой от этического сообщества

– отношение государства и церкви и подчинение последней

– наследственная монархия.

Эти вопросы вызывали дискуссии сами по себе. С начала века Гегель предпочитал более определенное представление о государстве, сословиях и роли правительства неопределенным понятиям народа, свободы и равенства. Он считал государство этически самосознательным по отношению к церкви. Еще в Йене он одобрял идею наследственной монархии. Розенкранц заключает:> «Помня об этом, мы можем только отвергнуть образ Гегеля, разрабатывающего> свою концепцию государства на службе только у прусского> правительства, в сознательном отказе от своей философии». (510) Это важно, учитывая широкое распространение этого образа Ге-

геля у таких разных авторов, как Рудольф Хайм и Бертран Рассел.

Пруссия и Реставрация

В это время Карл Август фон Харденберг (1750—1822, см. выше) был канцлером Пруссии и реформатором. Это был политический контекст, в котором Гегель на принципиальном уровне доказал свою правоту:

– народ сам устанавливает свои законы
– публичный характер правосудия
– самоуправляемые округа или корпорации
– народное представительство
– двухпалатные палаты
– публичные дебаты по законодательству
– свобода прессы.

В письме к канцлеру Харденбергу от октября 1820 года (Corr II, L376) Гегель приложил экземпляр «Философии права». Это было накануне Веронского конгресса в декабре 1822 года, на котором австрийский государственный деятель Меттерних должен был выступить против Харденберга. Веронский конгресс был созван для того, чтобы застолбить либеральные идеи. Не было сомнений, что народное представительство будет создано по всей Германии в короткие сроки. В целом Гегель был впечатлен тем, как масштабно в Пруссии рассматривались политические события после столь долгого

пребывания в небольших немецких государствах.

В «Философии права» Гегель противостоял на уровне политической теории Карлу Людвигу Галлеру (1768—1854, выше), дипломату консервативного толка и автору книги «Восстановление политической науки» (тома 1—4, 1816—21, том 5, 1834). Галлер был категорически против французской революции. Он свел государство к частному праву, то есть к правам князя, и отверг идею законов как произведения народа, чье согласие придает им необходимость и универсальность. Галлер перевел свою работу на французский язык. Ответ Гегеля Галлеру содержится в «Философии права» (параграф 258 Ремарка).

Историческая школа права

Гегель также выступал против чисто исторической концепции права (Введение, параграф 3). В то время она ассоциировалась с Риттером фон Гуго (1764—1844), а вскоре после него – с Фридрихом Карлом фон Савиньи (1779—1861, см. выше). Так, например, он критикует несправедливость римского семейного права.

Наивность в отношении Пруссии

В «Философии права» Гегель одобряет двухпалатную систему, включая наследственную Вторую палату, хотя

в 1831 году он ее критиковал. Это была англиканская модель, хотя демократическая и монархическая гармония Пруссии была более продвинутой, или так утверждает Розенкранц. Гегель рассматривал военных как отдельную касту, и это тоже, по словам Розенкранца, не соответствовало прусской действительности. Гегель также не понимал специфики прусского местного самоуправления, которое отличалось как от французских департаментов, так и от ситуации в России.

Глава четвертая – Якоб Фриз и демагогия

Предисловие также важно своим современным значением. На Вартбургском празднике 18 октября 1817 года, посвященном 300-летию Реформации в Тюрингии, где Лютер перевел Новый Завет, были зажжены октябрьские костры. Книга Халлера была сожжена. Возникло недоверие к учителям и Тайная лига. Убийство Коцебу в 1819 году выявило фанатичные качества в немецкой молодежи. Гегель был потрясен иррациональностью и пустыми лозунгами братства и единства. Поэтому он подчеркивал разум, уже присутствующий в мире. Как в «Галлере» он критиковал опору на прошлое, так здесь он отвергает беспочвенное видение будущего. Отсюда знаменитое:

«Что реально, то рационально; а что рационально, то реально».

Или в оригинале по-немецки:

«Что верно, то верно; и что верно, то верно».

Во втором издании «Энциклопедии» (1827) Гегель уточнил, что под wirklich здесь понимается не эмпирическое существование как таковое, а существование в согласии с понятием разума. С другой стороны, непосредственная реальность, смешанная со случайностью, может быть в высшей степени иррациональной. Тем не менее люди были обеспоко-

ены тем, что это квиетистская максима, не подходящая для такого развивающегося государства, как Пруссия.

Гегель также вызвал отторжение у людей, осудив демагогию не только в целом, но и Якоба Фриза в частности и по имени, как «мастера банальностей». Фриз был отстранен от должности в 1818—1824 годах. Гегель был с ним приват-доцентом в Йене и сменил его в Гейдельберге. Гегель отверг его заботу об Отечестве, любви и т. д. Розенкранц говорит, что этот материал следовало бы опустить:

«Растущая антипатия к нему, доходящая до непримиримых отношений, утвердилась среди всех тех, кто принимал взгляды Канта, Якоби, де Ветте и Шлейермахера вместе взятых, а также национализм». (515)

Гегель стал влиятельным среди образованных государственных служащих, что привело к бурной реакции против него.

В феврале 1822 года «Литературная газета Галле» опубликовала рецензию на «Философию права». В рецензии приводились слова Фриса из отрывка, который критиковал Гегель, и говорилось, что Гегель был несправедлив и фактически сам занимал аналогичную позицию в другом месте. Неблагородно бить человека, когда он падает духом, говорилось в рецензии. Гегель не мечтал о личном унижении, сказал он и призвал защитить министра внутренних дел от «доноса». Ему было неприятно, что его критикуют в журнале, получающем финансовую поддержку от прусского государ-

ства. Министр внутренних дел фон Альтенштейн уже писал ему в августе 1821 года (Corr II, L397) о том, что нельзя осуждать действительность, не разобравшись в ней. В данном случае фон Альтенштейн пригрозил журналу отзывом разрешения, если он не ужесточит свою редакционную политику в отношении рецензий (письмо от 26/7/1822, отсутствует в гофмейстерском издании Correspondance).

Гегель предлагал нечто большее, чем беспочвенные системы идей или ностальгический энтузиазм буршеншафтенов. Поэтому он привлек студентов, жаждущих услышать о практическом разуме и свободе, которые уже существовали. Так возникло ядро сторонников, которое постепенно разрасталось.

В одном из последних анекдотов Гегель посещает арестованного студента в тюрьме на лодке по реке Шпрее. Осмо отсылает к книге Жака Д'Хондта «Биография» (глава 15), где дается его интерпретация.

Это краткая заметка о биографических фактах, касающихся отношения Гегеля к теории цветов Гете (Farbenlehre) и модификации этой теории Шопенгауэром, взятая из книги Карла Розенкранца «Жизнь Гегеля» (1844).

Глава пятая – Защита теории цветов Гёте

В общих чертах, в своей теории цветов (Farbenlehre) Иоганн Вольфганг фон Гете (1749—1832, выше в 1828 г.) оспаривает физико-математическую теорию цвета в «Оптике» Ньютона. Гете стремился вместо нее учесть психофизиологические аспекты цвета. Помимо наблюдений за свойствами света, он анализировал явления зрения, например, дополнительные цвета (как в цветовом круге выше). Его «Теория цветов» была опубликована в 1810 году. Помимо литературной деятельности он также изучал растения и минералы.

Прусский советник Шульц и лектор фон Хеннинг проводили эксперименты и выступали с докладами о теории цвета Гете. Гегель покровительствовал этой теории, включив ее в свою философию, что придало ей дополнительную актуальность.

Он и Гете обменивались письмами на эту тему (SW17; Corr II, L381—93). Гете прислал вазу, иллюстрирующую его теорию, а Гегель прислал легкомысленный ответ, сказав, что вино показывает дух, присутствующий в природе, а бокал и вино вместе подобны Ахриману и Ормузду. Гете назвал Гегеля Абсолютом, а себя – Урфеноменом (центральный термин его физических теорий) в схожем духе.

Дальнейшее обсуждение Гегеля и Гете можно найти в книге Карла Гёшеля «Гегель и его время» (Hegel und seine Zeit, 1832). Противник Гегеля с 1827 года, Шубарт, также был знаком с Гете. Розенкранц отмечает, что:

«Единство гегелевской спекуляции и гётевской поэзии стало вполне догмой гегелевской школы». (521)

Гёшель и другие потворствовали этому.

Шопенгауэр познакомился с Гете в 1813—14 годах и написал «О зрении и красках» (1816). После этого в 1820 году он подал заявление в Берлин. Гегель скопировал замечания Шопенгауэра о Гете и цвете из своей биографии.

Краткое изложение некоторых взглядов Гете на цвет в виде видеоролика (на немецком языке) можно посмотреть здесь:

[Обратите внимание: таких презентаций несколько. Одна из них, на которую я давал ссылку, оказалась объектом авторских претензий, поэтому ссылка оборвалась. Если вышеуказанная ссылка не работает, вы, вероятно, легко найдете аналогичную информацию на youtube].

См. также: в немецком подразделении сайта hegel.net есть несколько статей о Farbenlehre Гёте.

В этом посте обсуждаются отношения Гегеля с берлинским теологом Фридрихом Шлейермахером (1768—1834, см. выше), автором книги «Речи о религии перед ее культурными презрителями» (1799). Это основано на информации из книги Карла Розенкранца «Hegels Leben» (1844), первой

полной биографии Гегеля.

Глава шестая – Полемика против теологии чувств

Гегель распространил атаку против принципа субъективности в политике (см. предыдущую запись в блоге), содержащуюся в «Философии права» (1821), на религию, когда написал предисловие к книге Германа Фридриха Вильгельма Хинриха «Религия в ее внутреннем отношении к науке» (Гейдельберг, 1822). Как мы уже видели, Хинрихс (1794—1861) был студентом Гегеля в Гейдельберге. Предисловие Гегеля воспроизведено в SW18. Английский перевод есть в книге «Гегель: Miscellaneous Writings (Ed. Stewart. Evanston: Northwestern UP, 2002) и более пространное издание, выпущенное издательством Gegensatz Press.

Здесь Гегель пишет со сдерживаемым гневом, почерпнутым из предыдущего политического спора против тех, кто сделал чувство критерием в религии. Тем более наука (то есть теология) не могла быть основана на чувстве. Рефлексия растворила знание в конечных способностях, и чувство целостности и единства нашло убежище в сфере чувств. Эта непосредственная форма принимается за содержание предмета.

Если непосредственность чувства является исходной точкой, то это хорошо; но если она становится критерием принципов, то в ней заложены семена ошибки, ибо чувство мо-

жет быть испорчено, искажено. Произволу, субъективности и капризам позволено принимать облик необходимого.

Шлейермахер черпал философские идеи у Якоби, а также в немецком идеализме и романтизме. Его «Христианская вера» вышла в 1821—22 годах. Гегель процитировал строки Шиллера, чтобы выразить свое неодобрение приоритета чувства над доктринальным содержанием в ней:

Долго можно платить обещаниями,
Но в конце концов приходится засунуть руку в карман.

Для Шлейермахера теология была отражением благочестивых чувств.

Таким образом:

Откровение, как факт
доктрина Церкви
библейская традиция

Он просто использует их для интерпретации или подтверждения первоначального чувства, которое является предметом его исследования. Он склонен приводить их в сносках таким образом.

Его последователи и защитники упустили этот центральный момент не его проповеди, а его теологии. И все же, отмечает Розенкранц, отказ от внешнего исторического был тем, что он разделял с Гегелем.

Никогда не было протестантской догмой, чтобы выражение благочестивых чувств принималось за принцип. По чистой случайности в случае Шлейермахера его набожность

исправила большую часть ущерба, присущего этому принципу. Он использует идею связности, которая относится к психологическому анализу; Христос для него становится идеалом. Он описывает дуализм греха и благодати, добра и зла, который преодолевается во Христе. Его выводы о бессмертии, воскресении и Страшном суде были нестрогими и чем-то обязаны Просвещению. Троица была для него не более чем единством формулировок, совокупностью. В результате его защитникам было трудно проецировать ортодоксальность в интерпретации его взглядов.

«Чувство абсолютной зависимости»

Шлейермахер отождествляет веру с чувством абсолютной зависимости. Из всего этого видно, что расхождение Гегеля и Шлейермахера было не личным, а следствием их разных подходов. Шлейермахер использовал мысль для расширения своих чувств, в то время как для Гегеля «мысль – это принцип всех наук», а значит, и теологии. Розенкранц резюмирует:

«Что в этой последней превосходит или, по крайней мере, достойно превосходить общее знание религии, которое принадлежит каждому, кто обладает общей культурой, так это то, что эта наука имеет общее с философией». (528)

Защитники Шлейермахера обвиняли Гегеля в том, что он говорил, что религия не может существовать в форме чув-

ства; но он этого не говорил. Скорее, он возражал против исключительного акцента на этой форме. Розенкранц заявляет:

«То, что является интенсивностью в чувстве, должно развернуться в объективности, в детерминированном представлении веры, в достаточной совокупности религиозных практик, в богослужении, в науке – все это принципиально невозможно, если бы пришлось остаться с чувством как исключительно истинной формой религии». (528)

Гегель поразительным образом выразил суть дела, что вызвало скандал. Чувства принадлежат только нашей животной природе; следовательно, если бы чувство абсолютной зависимости было признаком христианства:

«Собака была бы лучшим христианином».

[Подхватив тему, он указал, что собака испытывает своего рода освобождение, когда ее голод утоляется костью. Гегель не был прощен за этот сарказм. Это замечание содержится в предисловии к книге «Hinrichs. Приват-доцент Кейзерлингк писал и учил против этого. Он написал книгу «Философия или религия» (1824).

В ней содержится обвинение Гегеля в пантеизме

(см. корр. III, L567).

В этой заметке кратко изложена эмпирическая основа интереса Гегеля к искусству в берлинский период его жизни, описанная в «Hegels Leben» Карла Розенкранца (1844), первой биографии Гегеля, в которой также рассказывается о пу-

тешествиях Гегеля по другим городам Европы.

Глава седьмая – Интерес Гегеля к искусству

Лекции Гегеля по эстетике отчасти отражают его берлинские впечатления. Они имеют амбициозную двойную структуру, организуя художественное представление сначала в концептуальную последовательность архитектуры, скульптуры, музыки, живописи, драмы и других литературных искусств, а затем применяя другое историческое деление на символический, классический и романтический периоды. Он считает, что эстетическое созерцание красоты разделяет спокойствие религиозного благочестия, хотя в христианстве оно вытеснено или подменено.

Среди его критиков, в частности, Сорен Кьеркегор, который использовал гегелевскую терминологию эстетического, этического и религиозного для выражения более прагматического чувства; и Бенедетто Кроче, который считал, что Гегель не справился с природой и силой эстетической спонтанности в этой концептуальной структуре. Гегель уже обсуждал «религию в форме искусства», как она проявлялась в Древней Греции, в «Феноменологии духа» (1807) и отвел искусству постоянное место в своей системе как форме «абсолютного духа» наряду с религией и философией в «Энциклопедии» (1817) до своего переезда в Берлин в 1818 году. Лекции по эстетике были опубликованы посмертно.

Розенкранц утверждает, что художественные сокровища и выставки в Берлине стимулировали любовь Гегеля к искусству. Он увлекся музыкой, у него были зачатки склонности к живописи, он чувствовал себя как дома в поэзии, он ценил и воспринимал архитектуру и скульптуру. Поэтому представлять Гегеля как сухого и заумного логика, лишенного чувства к произведениям воображения, абсурдно. Он говорил с точки зрения искусства.

Гегель проницательно оценивал отдельные произведения искусства, но при этом мог быть односторонним и небрежным в вынесении исторических вердиктов. В этом его высказывания могли быть вынужденными. Его подход был более историческим, а подход Карла Зольгера – более метафизическим.

Гегель комментировал берлинский театр и выставки живописи, и это способствовало его популярности. Эстетические интересы в Берлине в это время были более очевидны, чем политические страсти. До 1827 года в этом было что-то эпикурейское и снисходительное. В это время Шлейермахер также высказывался об эстетике.

Берлинский «Монатшрифт» занимался вопросами общей и церковной политики и цензуры, но большая часть прессы после этого была легкомысленной по тону. Гегель привнес в эту среду зрелость суждений, которая иногда воспринималась в манерном или педантичном духе.

Лучшим интерпретатором этого был Генрих Хото (1802

—73), который впоследствии редактировал гегелевские «Лекции по эстетике» (1832—45). Хото изучал право в Бреслау, затем философию в Берлине, а затем работал в Берлинском художественном музее, где специализировался на живописи. С 1829 года он сам читал лекции по эстетике в Берлине. Хото также написал «Историю немецкой и голландской живописи» (1842—43) и другие работы на ту же тему. Он написал яркий портрет Гегеля.

Гегель неустанно посещал концерты, театры и т. д. Он был знаком с Анной Мильдер (см. выше), которая пела Глюка и Моцарта. Она воспитывалась в Константинополе и Бухаресте, затем переехала в Вену, где познакомилась с Бетховеном, а потом перебралась в Берлин. Театральный критик Генрих Рётшер (1803—71) связывал идеи Гегеля с театром. Гегель также опубликовал в прессе рецензию на Шиллера.

В Дрездене он увидел картины Герхарда фон Кюгельгена (1772—1820), который рисовал Гете, Гердера и Шиллера. Кюгельген был убит в 1820 году. Гегель отдавал предпочтение картинам Альбрехта Дюрера (1471—1528) из Нюрнберга (чей портрет Девы Марии с младенцем, держащим половинку съеденной груши, хранящийся сейчас в Венском музее истории искусств, воспроизведен выше) и Рембрандта, хотя портретом Христа Кюгельгена он восхищался.

Гегель вел записи о своих впечатлениях и рецензии в «Моргенблатт». Розенкранц воспроизводит некоторые из заметок Гегеля, описывая выражения рта; о том, были ли

портреты Марии Магдалины по-настоящему раскаявшимися; наделен ли портрет характером или нет?

Гегель использовал их, чтобы придать актуальность своим лекциям.

В этой заметке я продолжаю рассказывать о времени пребывания Гегеля в Берлине (1818—31 гг.) на основе книги Карла Розенкранца «Hegels Leben» (1844), первой биографии Гегеля. Рассматриваются такие темы, как жизнь Гегеля в обществе и его путешествия.

Глава восьмая – Жизнь в обществе

Чтобы понять положение Гегеля в его берлинский период, нужно вспомнить, что Берлин в 1820-х годах только стремился к величию. Теперь, когда он связан железной дорогой с морем через Штеттин и Гамбург, люди оценивают его по более высоким стандартам, наряду с Лондоном или Парижем.

Не стоит забывать и о том, что Гегель был знаменит, а значит, каждая встреча в обществе становилась для собеседника памятным событием, материалом для анекдота, чтобы возвеличить или принизить его, или проиллюстрировать его характер. У философа нет личного авторитета, хотя он и чтит истину. В такой ситуации человек, вынужденный играть эту роль, может замкнуться в себе, как Карл Зольгер, или быть открытым миру, как Гегель. Он обладал природной приветливостью, которая притягивала к нему круг друзей везде, где он жил, а также в Берлине. Он делал это спонтанно, без всякой скрытой цели; это был просто его путь. Это само по себе завораживало расчетливых берлинцев. Письма к семье дают приблизительное представление о круге его общения.

Он получал много просьб о помощи, которые не мог удовлетворить. Со временем это привело к некоторой враждебности. Один венгр написал, что, например, задался целью

выучить наизусть труды Гегеля. Гегель не имел права учреждать профессорские кафедры.

Розенкранц считает, что эссе «Кто мыслит абстрактно?» имеет берлинский дух в своей смеси сатиры и метафизики. Осмо, однако, утверждает, что оно было опубликовано лишь посмертно и может относиться к Йене (говорит Хоффмайстер) или Бамбергу (говорит Киммерле).

Гегель предпочитал швабскую наивность манер манерам Нанте Штрумпф (персонаж берлинской сцены). Людвиг Тик, родившийся в Берлине, а затем Генрих Гейне придали этой берлинской манере форму иронии. Гегель видел в таком остроумии приятность, но возмущался там, где видел безнравственность. Об этом пишет Хото в книге «Исследования о жизни и творчестве», где есть великолепный портрет Гегеля. Благодаря этой наивности он стал центром круга молодых северогерманцев, которые естественно тяготели к нему. Некоторые копировали его жесты и слова. Его внутренняя сила духа созрела и реализовалась. Наряду с концептуальной глубиной он мог питать свой ум новинками и историями дня.

Люди спрашивали, что будет сказано или сделано при дворе, и Гегель знал канцлера Харденберга и министров Альтенштейна и Кампца. [Кампц (1769—1849) с 1817 года был министром полиции, а с 1819 года ему было поручено подавлять «демагогию»; с 1832 года он был министром юстиции]. Близость Гегеля к тайному советнику Ю. Шульце привела к тому, что люди думали, что он имеет влияние на назначе-

ния. [Поэтому многие просили Гегеля об одолжениях. Эгоизм испортил некоторые контакты, завязанные в этом духе. По общему мнению, Гегель был симпатичным, откровенным человеком, который не стремился казаться больше, чем он есть.

Лаубе [литературный лидер демократического движения «Молодая Германия» в период Вормарца] попытался дать характеристику его свободной, даже снисходительной манере в «Neue Reisenovellen» (1837). [Выдержки из главы «Гегель в Берлине» приведены в книге Николина «Гегель в сообщениях современников» (Hegel in Berichten seine Zeitgennossen, 1970)]. Розенкранц говорит, что неправильно проводить контраст между наивным швабским школьным учителем и высшим обществом, чьим манерам он соответствовал. Он пишет:

«Будучи коренным жителем такого жилого города, как Штутгарт, Гегель всегда жил в лучшем обществе и даже в достаточной степени среди дворянства, чтобы его можно было рассматривать в таком свете».

Его швабский акцент и простые буржуазные манеры были второстепенными. Розенкранц добавляет:

«Просто потому, что он чувствовал присутствие Бога в своем сердце, для него было невозможно подчиниться чисто внешним формальностям».

Внешние манеры вытекали из хорошего воспитания, считал он.

Ему нравилось общаться с берлинскими женщинами, и они отвечали ему взаимностью, поскольку он располагал их к беседе. С одной из матерей он обсуждал образование, с другими – моду и еду.

Временами он упрекал Ганса за то, что тот произносит речи. Профессор Зитце, бывший ученик, сказал:

«Я не могу иначе объяснить проблематичную сторону языка Гегеля: в определенной степени он мыслил только субстантивами, так что, когда он рассматривал объект, отношения представлялись ему, так сказать, как фигуры, вступающие в действие друг с другом; и только потом возникала необходимость перевести их действия в слова».

Его мышление было таким, что любой язык был для него немного чужим.

Однако мы не можем ограничиваться только дружелюбной стороной Гегеля в Берлине. Была и грубая, решительная и неумолимая сторона, которую некоторые называли тиранической. Чтобы преодолеть партийный дух, нужна была решительность.

Он посетил тайного советника Шульце, профессора Мархейнеке, Эдуарда Ганса, Генриха Хото, художников Рёсена и Кселлера, банкира Блоха, Баера, советника Фёрстера [см. D'Hondt, Biographie, 297] и доктора Зитце. С другими, кто стоял на своем и противоречил ему, он был непреклонен и не встречался с ними наедине, кроме как в порыве хорошего настроения. Розенкранц пишет:

«Он обладал мощным запасом гнева и ярости, и в день, когда, по его мнению, он должен был ненавидеть, он отдавался этому без остатка. […] Кого бы он ни загнал в угол, у него дрожали ноги, и Гегель ругал его, как школьника». (549)

Это было даже угрожающе, но дело не выходило за рамки возможности примирения. В конце концов, это (словесное) насилие привело к большей теплоте.

Глава девятая – Путешествия

Десятилетие, предшествовавшее Июльской революции 1830 года, было периодом беззаботного наслаждения. Царил эстетизм, защищенный полицейскими шпионами, тюрьмами и цензурой, который стремился расширить свой кругозор за счет путешествий. Берлин был хорошо расположен, чтобы предложить возможности для путешествий.

Гегель посетил остров Рюген [в Балтийском море] в 1819 году; затем Дрезден и швейцарскую Саксонию; Голландию в 1822 году и Вену в 1824 году, останавливаясь во многих местах между ними; Париж в 1827 году [Розенкранц говорит 1829, Осмо его поправляет]; Карлсбад и Прагу, Веймар и Йену в 1829 году.

Его письма домой к жене (Corr. II L431—41 и Corr. III L476—86; 555—67; собраны на 80 страницах в SW17) показывают его личность, независимую от системы, его энергию и чувствительность, его увлечения, но не его политику или вопросы, не интересующие его жену.

Он наблюдает за различными эффектами света, знакомится с людьми без предвзятых мнений и благодарен за проявленную дружбу. Он посещал Снеля в Гиссене [который был радикальным членом Буршеншафтена – см. D'Hondt, Biographie, 373] и философов, с системой которых он не был согласен. Среди них были Суабедиссен в Марбурге, Вин-

дишман в Бонне, Рембольд в Вене и Карно в Магдебурге, который писал о машинах и геометрии.

Искусство также волнует его: он видит картины, церкви, итальянскую оперу в Вене. Он думает, что бельгийские университеты могут стать убежищем от Берлина, если он рассорится с немецкими церковниками.

Французскому дворянину в Льеже, который попросил кратко объяснить его систему, он ответил: «Месье, это не объяснимо, тем более на французском языке». Его общая симпатия к Франции восходит к его юности; в то же время он разделял многие голландские вкусы. Он описывает это в «Лекциях по эстетике».

В 1829 году в Веймаре он познакомился с Гете, а в Карловых Варах – с Шеллингом. Они читали о победе русских над турками, которая привела к независимости Греции. В 1834 году Шеллинг начал пренебрежительно отзываться о Гегеле (см. корр. III, L609—13 [Примечание: Розенкранц, вероятно, не имел доступа к письмам Шеллинга об этой встрече]).

В этой заметке кратко изложены отношения между французским философом-эклектиком и историком философии Виктором Кузеном (1792—1867) и Гегелем. Кузен оказал большое влияние на институционализацию философии во французской системе образования в XIX веке. Он написал книги о Джоне Локке и Кондильяке, о «шотландской школе здравого смысла» (Хатчесон, Рид и Адам Смит) и Им-

мануиле Канте.

Глава десятая – Кузен и Гегель

Действия французского либерального философа Виктора Кузена послужили поводом для борьбы между Шеллингом и Гегелем за гегемонию в немецкой философии. Кузен был «французским философом шотландской школы» (587), совершившим в 1817—18 гг. поездку в Германию, где он познакомился с Гегелем во время нескольких недель пребывания в Гейдельберге. Позднее он посвятил Гегелю две книги:

– Издание «Прокла» (4-я часть, 1821 г.; также посвящена Шеллингу);

– перевод «Горгиаса» Платона (1826).

(см. корр. III, 345). В 1824 году Кузен снова отправился в Германию и был арестован в Дрездене на основании либеральных симпатий и связей с бурсеншафтенами. Это произошло на основании информации, полученной от французской тайной полиции. Затем Кузен был доставлен в Берлин. Гегель написал министру внутренних дел и министру полиции Шукману 4 ноября 1824 года. Розенкранц частично воспроизводит это письмо; в нем также говорится об издании Декарта Кузеном. Кузен был освобожден: об этом просил и французский посол. После этого он познакомился с Гегелем, Гансом, Хото, фон Хеннингом и Мишеле. Он переписывался с Гегелем и позже принял его в Париже (Corr III, L559—64).

Кузен отправил в Париж конспекты Генриха Хото по лекциям Гегеля «Философия истории» и «История философии» (то есть копии). [Примечание: возможно, они все еще существуют, поскольку в Сорбонне есть архив Кузена. Обновление 2018 года: Заметки к лекциям по эстетике, аннотированные Кузеном, были опубликованы Врином в 2005 году. – SC]. Он надеялся, что Гегель пересмотрит его «Философские фрагменты», что Шеллинг и сделал в 1833 году.

1 августа 1826 года он просит Гегеля изложить свои мысли латинскими буквами, продиктованными и исправленными, если необходимо, так как он хочет заложить семена французской версии, а не просто пробудить интерес к чужому; или сделать это при посредничестве Хеннинга, Хото, Ганса, Мишле или Фёрстера. Розенкранц не располагает ответами Гегеля (но см. корр. III). Розенкранц добавляет, что он не имеет права обнародовать мнения Кузена о политике и т. д. [Кузен жил до 1867 г., а Розенкранц опубликовал в 1844 г.].

В 1853 году Кузен пишет о своей работе над немецкой философией в Предисловии ко второму изданию «Философских фрагментов». Здесь он описывает встречу с Гегелем в 1817 году. Гегель не был уверен в своем положении и владел французским языком «не намного лучше», чем Кузен немецким (то есть он находил его трудным, но прилагал усилия). Кузен находил «Энциклопедию» схоластической по языку и невразумительной. Гегель был погружен в свои исследования и не слишком дружелюбен. Он контра-

стировал с Шеллингом, которого Кузен встретил в Мюнхене в 1818 году вместе с Якоби; но Кузен все равно чувствовал, что встретил гениального человека:

«Гегель с трудом опускал редкие и глубокие изречения, был немного загадочен, его речь была сильной, но смущенной, лицо неподвижным; его чело, покрытое облаками, казалось образом мысли, свернувшейся сама в себя». (562)

Розенкранц считает, что Кузен слишком превозносит свою значимость в «открытии» Гегеля. Он отмечает, что взгляды Кузена изменились между 1828 и 1833 годами.

Глава одинадцатая – Философия истории и Восток

Философия истории

В период с 1822/23 по 1830/31 год Гегель пять раз читал курс философии истории. До этого Гердер и Краузе ввели в историю биологическую аналогию возрастов человека; но это чуждо гегелевской идее разума, который знает бесконечное развитие. Штутцманн из Эрлангена также преподавал этот предмет. Другим прецедентом была «Характеристика нынешнего века» Фихте. Однако Гегель сам придал этому предмету импульс.

Этот предмет не является точной наукой. С ним граничат другие науки, касающиеся существования законов:

– физическая география

– психология

– практическая философия.

Свою практическую философию Гегель завершает историей. Здесь особенно актуально понятие события. Для распознавания необходимости в ходе событий важны эрудиция и репродуктивная способность.

В «Философии права» Гегель представил всемирную историю как трибунал, который судит различные националь-

ные духи. Однако ни один народ не признает другого своим судьей. Таким образом, дух человечества руководит борьбой народов и их частных прав. Общественное мнение и обычаи сдерживают действия государства, в то время как христианство и торговля побуждают людей к взаимному признанию. Кант и Фихте выдвинули идею международного права (droit cosmopolite), которое у Гегеля воплощается во всеобщей истории.

В «Верках» «Философия истории» – это 9-й том, следующий за «Философией права» и предшествующий томам об абсолютном духе. Это ее правильное место в гегелевской мысли. [Эдуард Ганс отредактировал «Философию права» (том 8) и «Философию истории» (том 9) в 1837 году, используя для последней лекции 1830/31 годов. Затем Карл Гегель переиздал «Философию истории» в 1840 году, основываясь на курсе 1822/23 годов].

Те, кто считает «Философию истории» кульминацией системы, ошибаются. Как этический закон отдельных состояний, так и феномены абсолютного разума являются для Гегеля абсолютами. Розенкранц пишет:

«Нужно только следить за тем, чтобы не доводить понимание Гегеля до абстракций, как если бы он считал закон и этическую жизнь сами по себе не абсолютными, не священными и божественными, исходя из того, что он выставляет абсолютность духа в искусстве, религии и науке как абсолюты». (566)

Гегель заявляет:

«Итак, то, что существенное должно иметь место, должно присутствовать и сохранять себя в практических действиях и в убеждениях человека: вот что мы называем государством». (566)

Первое издание «Философии истории» заключало:

«Развитие принципа разума есть истинная теодицея, ибо это понимание того, что разум может освободиться только в стихии духа и что то, что возникло и происходит каждый день, не довольствуется тем, что исходит от Бога, но само является делом Бога». (566)

Этот курс принес Гегелю огромную популярность среди разношерстной публики, которая, несомненно, была удивлена, услышав от философа столько практического и здравого смысла, ведь такие люди, как правило, столь книжны.

Но не обошлось и без недоразумений, когда Гегель заявил, что он ограничивает себя как философа Идеей и поэтому вынужден оставить в стороне множество интересных персонажей и страдания или радости их судьбы. Ошибочно считалось, что он должен быть равнодушен к отдельным людям. Он не преуменьшал и не отрицал свободу людей, не сводил их к органам, не имеющим души. Так он говорит о Сократе, Перикле, Александре, Цезаре, Лютере. Он также не умалял достоинства «обычного» человечества. Такие жизни обладают «бесконечной ценностью» (568), которую не оставляет в неприкосновенности суета всемирной ис-

тории и временных вещей. Он писал:

«Благочестие, этическая жизнь, свойственные ограниченному существованию – пастуха, крестьянина, в своей глубине и ограниченности сосредоточенного на нескольких простых, живых отношениях, – имеют бесконечную ценность и такую же, как благочестие и этическая жизнь, подобающие культурному интеллекту и существованию, богатому по масштабу своих отношений и своих поступков. Но в целом следует считать несомненным, что то, что оправдывает себя в мире как благородное и величественное, имеет также нечто, что возвысилось над самим собой.» (568)

Эти лекции позволили ему вернуться к темам, к которым он в последний раз обращался в последней трети «Феноменологии». Он был настолько поглощен ими, что забросил свою переписку.

Восток

В конце жизни Гегель предпринял целенаправленную попытку изучить восточных мыслителей и общества. В одном из писем Гегель рассказывает, как он просматривал тома формата кварто и октаво о Китае и Индии (Corr II, L442). В своих поздних лекциях он больше думал о Востоке, поддерживая поэтические усилия Гете (в «Восточно-западном диване») и других (особенно Хаммера). Они опирались на поэзию Хафиза де Шираза (1327—90), недавно пе-

реведенную. Он изучает индийскую философию и персидский мистицизм (в творчестве Руми, 1210—73). Однако он отвергает пантеизм, критикуя подобные индийские взгляды за «отсутствие субъективной свободы». (570).

Руми основал секту «вихревых дервишей». Беззаботная безмятежность его преданности оказала благотворное влияние на Гегеля, столкнувшегося с современными тенденциями привносить в поклонение тщеславие и самоудовлетворение. Богослов Толук и другие также попали под его влияние. Берлинский альманах «Музы» отразил вырождение этого гётевско-гегелевского отношения к Востоку.

В этой заметке рассказывается о влиянии, которое Гегель оказывал на своих бывших учеников и через них в берлинский период. Информация взята из книги Карла Розенкранца «Hegels Leben» (1844), первой крупной биографии Гегеля.

Глава двенадцатая – Школа и ее прозелитизм

Незаметно Гегель приобрел власть. Стало принято слышать его слова, которые он, не без боли, произносил с профессорского кресла, заваленного бумагами. У него появились слушатели не только из Германии и Польши, но и из Греции и Скандинавии. Некоторые приезжали послушать его с мыслью, что умение «гегельянствовать» поможет им получить должность на ухо министра или одного из его советников, но в большинстве своем энтузиазм был неподдельным.

Берлин располагает к созданию «школ», и в случае с Гегелем таких школ возникло больше, чем хотелось бы. Неизбежно, что создатель системы должен привлекать слушателей среди тех, кто еще формирует свои идеи. Кроме того, Гегель писал для министра народного просвещения доклады на тему «Преподавание философии в гимназии»: Преподавание философии в гимназии. Логика Эссера и Калкера.

Они способствовали его авторитету. Он выступал против назначения Бенеке, поддерживал назначение Бумана и премию факультета для Муссманна (см. «Berliner Schriften» Гофмейстера). Калкер и Бенеке были учеником и последователем Фриса соответственно. Бенеке был теологом, который считал психологию основой наук и следовал за Шлейермахе-

ром. Людвиг Боуман впоследствии редактировал «Философию духа» (SW7) и совместно с Фёрстером «Вермишелевые сочинения» (SW16/17)].

Оппоненты и оригинальные мыслители были отвергнуты как «плохие частности». Новые идеи находили уже в системе и относили к ней как «моменты». Гегельянство подходило для формирования школы, поскольку имело:

развитая система категорий

история философии

энциклопедический аспект.

Таким образом, оно позволяло заниматься различными предметами (через первое и третье) и отвечать на возражения извне, но при этом рассматривать их как «моменты», кульминацией которых была система. Таким образом, люди были призваны развивать саму философию.

«Богослов, юрист, естествоиспытатель, лингвист, политик, историк, эстетик – все они были призваны сотрудничать в великом деле. Мастеру нужны были соратники, а у соратников была перспектива самим стать мастерами в своей специальности». (575)

Среди таких соратников были: Ватке, теолог, знавший Мархейнеке; Штраус; Салинг, автор книги «Справедливость в ее историческом и духовном развитии» (1827); математик Поль; Капп, автор книги «Христос и всемирная история» (1823); филолог Бенари; Мархейнеке; Зитце; Гёшель; Хинрихс; Полей; Вейт; Ганс; Хото; Муссман; Мишеле; Рёт-

шер.

Доброжелательность, серьезность, назидания и пример Гегеля способствовали развитию науки в самых разных областях, которая претерпела значительные, хотя и неполные изменения. Это также придавало школе некое единство.

Одни были учеными, другие – поэтами, третьи – узкими подмастерьями. Среди них были обдуманные, возвышенные и пустые сосуды. Когда эти последние пытались его поправить, он становился деспотичным. Они начали дискредитировать «гегелевскую школу», поскольку лишь пассивно впитывали то, что в Гегеле имело силу достижения. Фридрих Групп написал сатиру на это в 1831 году в книге «Ветры, или Совершенно абсолютное построение всемирной истории», написанной с использованием рога Оберона Абсолюта фон Хегелингена. Целлер утешал Гегеля этой комедией, которую они оба видели. После 1844 года Групп стал профессором философии.

[Розенкранц сам написал в 1840 году комедию о гегельянцах и борьбе между левыми, центром и правыми среди них: Центр спекуляции (по-немецки: Das Centrum der Speculation)].

Однако даже эти молодые сердца почувствовали новую жизнь в доктринах Гегеля. Розенкранц пишет:

«Что отрицательное есть имманентное определение самого Абсолюта и только поэтому подавляется им; знание необходимости боли для разума, но также и силы разума, способ-

ного переносить противоречие, преодолевать его, выходить победителем из всех, даже самых трудных, схваток, чтобы примириться с самим собой; уверенность в том, что наслаждение чистой и простой истиной возможно уже в этой жизни и что Божественное наполняет и эту нынешнюю реальность, при единственном условии, что у разума есть глаза и уши, чтобы видеть и слышать его. – Это, безусловно, стало принципом интеллектуального и нравственного возрождения целого ряда людей, серьезно пострадавших от смутной ностальгии, от климата „прекрасной души“, от суеверной веры…» (577—78).

Исповедь Каппа и стихи, адресованные Гегелю студентами в день его рождения и по другим поводам, свидетельствуют об этом влиянии, которое было не менее важным, чем его чисто научное влияние. Розенкранц воспроизводит некоторые из этих стихотворений – рефлексивные, восхищенные, порой граничащие с идолопоклонством.

Празднование дня рождения достигло своего апогея в 1826 году, и в письме Гегеля к своей семье, находившейся тогда в Нюрнберге, описывается это событие. Он сидел за бюстом, было дружеское собрание, преподносились подарки, читались стихи и играла музыка. Газетные сообщения об этом, а также празднования в честь Гете на следующий день (28 августа) вызвали бурную реакцию.

В этой заметке кратко излагается участие Гегеля в основании «Ежегодника научной критики» в Берлине [KF: боль-

шинство его выпусков можно скачать здесь в виде отсканированных PDF на немецком языке] и статьи, которые он для него написал. Первая из них (английский перевод выше) посвящена истории Арджуны из индийского диалога в «Бхагавад-гите». Материал взят в основном из книги Карла Розенкранца «Hegels Leben» (1844).

Глава тринадцатая – Основание Берлинского ежегодника критики

Гегель написал письмо в министерство образования об отсутствии критического обозрения в Берлине (SW11, 8—30). Это напомнило о его раннем эссе «О сущности философской критики» (1802) и «Максимах» 1806 года, посвященных этому вопросу. Ориентация должна быть на содержание, считал он. Гегель хотел создать официальный журнал по образцу парижского Journal des Savants. Однако, чтобы предотвратить официальное одобрение или подхалимство правительству, в нем не должно быть анонимности для авторов. Розенкранц пишет:

«Круг гегельянцев справедливо видел в бандитизме анонимности, как имел обыкновение говорить Ганс, проклятие литературной критики». (586)

Гегель ограничился тем, что сказал, что подпись сохраняет независимость от правительства как для авторов, так и для журнала. Он рассмотрел проект вплоть до его финансовых и практических деталей.

Государство не поддержало этот проект, но он был возрожден как частное предприятие Гансом и Коттой, которые обсуждали его в Париже в 1826 году (см. Ганс, Воспоминания, 1836) под названием «Берлинские ежегодники научной критики» (Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik; см. также

Corr III, L575). Эдуард Ганс (работы доступны в формате PDF на немецком языке) был либералом, писавшим по истории права собственности, и известен как наставник Карла Маркса. Ему предшествовало создание Общества научной критики, которое проходило в доме Гегеля. Сам Розенкранц вступил в него в 1829 году. Он воспроизводит воспоминания Ганса. Варнхаген также сыграл важную роль, но в противостоянии влиянию Гегеля. Розенкранц цитирует его:

«Теперь, когда „Ежегодники“ были начаты, Гегель становился все более трудным, все более тираническим и в ходе рабочих собраний вел себя так странно, что, по мнению всей группы, дело не могло продолжаться в том же духе, и оно потерпело крах». (589)

Варнхаген выступил против Гегеля, и между ними произошла жестокая ссора: они обменялись грубыми словами, но помирились. Другими главными редакторами были: Мархейнеке – теолог, Шульце – физиолог, Бёкке и Бопп – филологи, Хото – эстетик. Сначала изданием руководил Ганс, затем фон Хеннинг.

Титульный лист 1-го тома Берлинского ежегодника (1829)

Ежегодники вовсе не ставили своей исключительной целью гегелевскую философию, но философия и теология были предметом особого внимания. Этому было оказано сопротивление: Бойне [либерал, впоследствии младогерманец и эмигрант] подозревал его в том, что он является инструментом прусского правительства.

Формальные процедуры были призваны обеспечить прозрачность, но воспринимались как претенциозные. Многие работы были отправлены Гегелю в надежде, что он отрецензирует их в «Ежегодниках». Поскольку это было невозможно, у многих авторов возникла неприязнь к Гегелю, которая особенно сильно проявилась после его смерти. Против его собственных рецензий также выступали, особенно теологи. Из-за этого в сочинениях Гегеля с этого времени появилась некоторая кисловатость тона.

Гегель дожил до того времени, когда его философия преподавалась в Париже, в Лувене (Бельгия) Себером, другом ван Герта, в Копенгагене Гебергом, а также в Финляндии, хотя и на шведском языке. В Ла-Хее издавался голландский журнал.

Тем временем сын Фихте (И. Х. Фихте) искал его поддержки. Фейербах выступал против теологизации системы, в то время как Гёшель отстаивал более библейскую направленность философии религии. В Галле, где преподавал Гёшель, произошла ссора между пиетистами и рационалистами. Генрих Лео, противник младогегельянцев в 1838 году, получил помощь Гегеля. Розенкранц называет еще несколько человек, некоторые из мыслей которых берут начало в переписке этой эпохи.

Гегель рассказал историю об отце, который пожаловался ему, что его сын стал ленивым и пристрастился к табаку после того, как записался на его курс, и который таким образом

прочитал ему лекцию о последствиях его философии.

Глава четырнадцатая – Участие Гегеля в Берлинских ежегодниках

Гегель принимал самое активное участие в работе «Ежегодников», присутствуя на редакционных заседаниях, отчитываясь о присланных рецензиях и сочиняя материалы. Он опубликовал следующие статьи:

Рецензия фон Гумбольдта

Его первой статьей для «Ежегодника» стала рецензия на «Мемуары о религиозной системе Индии» Вильгельма фон Гумбольдта, в которой он рассматривал «Бхагавад-гиту» (часть «Махабхараты»). Эта рецензия появилась в 1827 году, и существуют ее французский и английский переводы (на французском языке см. Michel Hulin, Hegel et l'Orient (1979), с библиографией источников Гегеля; английская версия, приведенная выше, опубликована в Дели). На Гегеля повлияла современная полемика, в которой древнеиндийская мысль рассматривалась как пантеистическая, хотя и не в гилозоистском [теория живой материи] смысле, который тогда вкладывался в это слово. В Берлине Гегель «очень интересовался изучением Востока». (595)

Фон Гумбольдт (1767—1835) – прусский политик, основавший в 1810 году Берлинский университет. Его брат

Александр был известным натуралистом. Гумбольдт выражал свою признательность Гегелю, но в другом месте сказал о нем: «В том, что философия такого рода должна пустить глубокие корни, я не могу себя убедить». (596) Отмечая свою неясность и непринужденность в разговорах даже об обычных вещах, он сказал:

«Публика, как мне кажется, делится на две категории в отношении Гегеля: есть безусловные сектанты, а есть те, кто мудрено поворачивает его, как поворачивают грубо обтесанный камень». (596)

Гумбольдт чувствовал, что рецензия направлена против него, и сомневался в том, что она может иметь ценность как история философии, хотя он также выразил уважение к способностям Гегеля.

Рецензии Зольгера и Гаманна

В 1828 году Гегель написал еще одну рецензию – на «Сочинения и переписку» Карла Зольгера, о которой мы уже рассказывали. Здесь он оценил всю «романтическую школу», включая «иронию» двух Шлегелей, Тика и контраст между мистическим шипением и концептуальной ясностью диалектической философии.

Также в 1828 году он рецензировал труды Гаманна (1730—88, см. выше), отредактированные Ротом. Опять же, есть английский и французский переводы этой работы (француз-

ский см. в Jacques Colette, 1981). Гаманн, «маг Севера», был другом Канта, Гердера и Якоби. Гаманн, по словам Гегеля, прошел через ранний период легкомысленного распутства, затем через период интенсивного благочестия и аскетизма и, наконец, через период научной терпимости. Он интуитивно постигал глубочайшие проблемы, но не развивал свои прозрения систематически. Гегель восхищался его гением и библейской верой, которая противостояла религиозному скептицизму эпохи Просвещения. Он был менее терпелив к противоположному юмору Гаманна и его склонности к символизму. Один из учеников Гегеля, Зиц, оспаривал это в «Истории прусского права», в которой он видел в Гаманне «прусского пророка».

Рецензия на Гёшеля

Гегель также рассмотрел «Афоризмы об абсолютном знании и невежестве» Гёшеля в связи с христианской верой. Гёшель излагал взгляды Хинрихса. Написав ясно, как и подобает юристу, он оспаривает трактовку Якоби ортодоксальным христианином со стороны теологии чувств, выдвигая на эту роль спекулятивную философию. Здесь и в «Доказательствах существования Бога» Гегель говорил, что такая демонстрация христианского характера его философии была для него честью. Сейчас, говорит Розенкранц, многие думают, что отказ от христианства – признак здравой философии.

Однако:

«Для нас, которые с самого начала научились разбираться в том, как Гегель относился к теологии, тот факт, что Гегель был убежден в том, что он нисколько не противоречит в своих рассуждениях сути христианской веры, даже положительно един с ней, не имеет в себе ничего удивительного. Но для широкой публики идея такого единства была совершенно невероятной в своей новизне». (599)

Они сомневались в его искренности или считали его немощным из-за возраста. Те, кто хотел отрицать знание, чтобы освободить место для веры, теперь иногда придавали своим речам гегелевский оборот.

Доказательства существования Бога

Гегель также готовил работу «Доказательства существования Бога». Здесь он обсуждает онтологические, космологические и телеологические доказательства со спекулятивной точки зрения. Розенкранц считает эту работу важной, поскольку она недвусмысленно свидетельствует о его признании личного Бога. Розенкранц считает, что термин «субъект» лучше, чем «личность», который предполагает ограниченность в пространстве и времени. Для Гегеля:

«Бог есть деятельность, свободная деятельность, относящая себя к себе и остающаяся с собой». (Доказательства, урок 3. (600)).

Наши представления о Боге содержат посредничество. Розенкранц считает досадным, что этой работой, написанной рукой Гегеля, пренебрегают в пользу замечаний, взятых из студенческих конспектов его курса по философии религии, когда обсуждается отношение спекуляции и религии. Гегель считал, что отношение Бога к миру не может быть отношением произвольного законодателя, поскольку это допускало бы в Бога неразумность. Здесь Гегель вновь соединяет бытие и мышление, разделенные Кантом, в новом понятии или фигуре.

Ответы критикам

Успех «Ежегодников» привлек как соавторов, так и противников гегелевской точки зрения, которую они представляли. Гегеля («der Alte» для его учеников) побуждали встать на чью-либо сторону. Он неохотно согласился. Так, в 1829 году он написал две рецензии на:

О гегелевской теории, или абсолютное знание и современный пантеизм (анонимный католический критик)

О философии в целом и гегелевской энциклопедии в частности (Шубарт)

В этих рецензиях содержится анализ популярного использования абстрактных понятий, таких как бытие, ничто, становление, единое и многое. Это проливает свет на его отношения с поздним Шеллингом. Шеллинг воспринима-

ет «бытие» в смысле «все, что есть» и проводит различие между позитивной и негативной философией, отделяя сущность от существования. Это является центральным моментом в его способе отвержения спинозизма. Сущность определяется как существование и как понятие себя. В этих эссе Гегель в магическом тоне проводит различие между абстрактным и конкретным бытием. По его словам, в его оппонентах был элемент tartufferie [религиозного лицемерия], на что они, в свою очередь, обижались, когда он говорил.

Заключительные рецензии

В 1831 году появились две заключительные рецензии, направленные против кругов, которые после его смерти были названы шеллингианскими и гербартианскими. Это были рецензии на:

Görres – On the Basis, Articulation and Periodisation of World History Ohlert – Ideal-Realism (1831).

Гёррес испытал влияние Шеллинга и продолжил систематизацию католического мистицизма. Информацию об Олерте см. в корр. III, L656. Гегель отвергал мистику чисел Гёрреса и его туманную историческую тематику. Олерт был учеником Гербарта из Восточной Пруссии. Здесь Гегель обратился к идеям Гербарта о противоречии, сущности и т. д. на научном уровне. Это, по мнению Розенкранца, более значимые идеи, чем позднейшая философия Шеллинга.

Отдельно мы обсуждаем поздний очерк об английском билле о реформе, который появился в Preussische Staatszeitung (1831).

Эта заметка подводит итог рассказу Карла Розенкранца о втором и третьем изданиях гегелевской «Энциклопедии философских наук» (1827, 1830). Мы уже переводили его краткую главу о первом издании здесь.

Глава пятнадцатая – Второе и тРЕТЬЕ ИЗДАНИЯ Энциклопедии

Второе и третье издания «Энциклопедии философских наук» вышли в 1827 и 1830 годах соответственно. Они продолжили трехчастный формат первого издания – «Логика», «Философия природы» и «Философия разума».

Поздние издания, хотя и были встречены с одобрением как свидетельство восприимчивости публики, потребовали изменения формулировок таким образом, что, по признанию Гегеля, единство и синоптическая цель были реализованы не так хорошо. В письмах (Corr III, L579, 581) он выражает беспокойство по поводу того, что теряется в деталях.

Во второе издание было включено новое введение (Vorbegriff) «О положении мысли относительно объективности». Здесь Гегель рассуждает в отдельных главах:

– эмпиризм

– Вольфианская метафизика

– Критическая философия

– Непосредственное знание (Декарт, Якоби, Шеллинг).

В первом издании замечания об этих других философиях ограничиваются кратким предисловием. Эти эссе, хотя и написанные с ясностью и энергией, поставили вопрос о соотношении этого частично исторического вводного материала с «Феноменологией».

Философия природы и духа была расширена, но неравномерно. Были включены ответы на критические замечания и недоразумения. В новом предисловии рассматривались отношения философии и теологии, обсуждались пиетистские идеи Толука. Некоторые усмотрели криптокатолицизм в его защите Троицы против обвинений Толука в схоластицизме. Это также было видно в его ссылках на Якоба Бёме и Франца фон Баадера. Некоторые вслух задавались вопросом, сколько людей смогут понять этот мистицизм и его идиосинкразическую терминологию.

Предисловие к третьему изданию показывает разочарование Гегеля новыми недоразумениями, которые породили его попытки объяснить себя. [Обратите внимание, что в издании Уоллеса эти предисловия представлены только в кратком виде, но в издании Хакетта есть переводы].

Теологи, говорит Розенкранц, были тем более против, что они понимали, что Гегель, в конце концов, может быть прав, примиряя свою философию и христианство. Однако «с тем, что философия должна быть способна исследовать то, что истинно в религии, они не соглашались». (610).

Следует отметить, что Розенкранц предпочитает краткость и целенаправленность первого издания более поздним изданиям. Кроме того, первое издание было текстом, который сопровождал лекции Гегеля в течение 10 лет, в то время как более поздние издания просуществовали лишь около трех лет и одного года соответственно.

Гегель дважды читал лекции по естественному праву в Йене, его взгляды в это время были представлены ранним эссе о естественном праве, современными рукописями и «Феноменологией» (1807). Следующие лекции по естественному праву он читал в Гейдельберге (1817) и Берлине (1818, 1819), а по философии права – в Берлине (1821, 1822 и 1824). Последние даты взяты из «Исторического словаря гегелевской философии» Джона Бербиджа (2000). Содержание лекций по естественному праву практически идентично содержанию «Философии права», хотя в качестве текста использовался раздел «Объективный разум» первого издания «Энциклопедии» (1817).

Интерпретация Илтинга поддержала мнение Жака Д'Хондта о том, что существует контраст между лекциями и частными взглядами Гегеля, с одной стороны, и опубликованными взглядами в «Философии права» – с другой. Утверждалось, что настоящие взгляды Гегеля были значительно левее прусского истеблишмента эпохи Реставрации, например, в вопросе о роли монарха. Работа Илтинга вызвала ажиотаж в Германии и стала поводом для публикации в журнале «Шпигель» в 1973 году, хотя на английском языке она недоступна. Ранее недавно переведенные рукописи 1817—19 годов не подтверждают взгляды Илтинга в значительной степени.

С моей точки зрения, Гегель рассматривает общественные устройства как примеры Gesetzsein (дословно: «задан-

ного бытия»), то есть вещей, которые возникли по какой-то причине. Поэтому в его работах присутствует стремление определить, что рационально в позитивных социальных механизмах. Это, однако, согласуется с пропагандой социальных реформ, когда обстоятельства изменились или сам разум выработал новое понимание соответствующих фактов. Таким образом, социальная мысль Гегеля не является по своей сути консервативной или революционной/либеральной на философском уровне.

Либеральная интерпретация Гегеля распространяется на аналогичные интерпретации его реакции на июльскую революцию 1830 года во Франции и эссе об английском билле о реформе (1831). Однако при этом она явно противоречит большей части первичных свидетельств, предоставленных Розенкранцем, которые я кратко излагаю ниже.

Глава шестнадцатая – Ректорство Гегеля и празднование Аугсбургского исповедания в 1830 году

В 1830 году во Франции разразилась Июльская революция, а в Германии праздновали очередную реформацию – трехсотлетие Аугсбургского исповедания. В этот год Гегель был ректором Берлинского университета. В этом качестве он выступил с речью.

Празднование Аугсбургского исповедания

Аугсбургское исповедание (25 июня 1530 года) было лютеранским документом. Однако прусское государство желало объединения лютеранской и реформатской церквей. Королевский дом Гогенцоллернов перешел из лютеранской в реформатскую веру и желал, чтобы Исповедание было гармоничным. Желание единства было выражено в 1817 году, когда праздновалась сама Реформация, поэтому не все хотели привлекать внимание к выражению лютеранских доктринальных различий.

В 1826 году в письме Гегеля к своим детям, находившимся в то время в Нюрнберге, рассказывается о борьбе Густава Адольфа и Валленштейна за Реформацию во время 30-летней войны.

Гегель хотел, чтобы объективность католицизма и внут-

ренняя и субъективная ностальгия протестантизма были преодолены и объединены с помощью философии. В своем обращении он защищал идею «оправдания верой» против предполагаемого пелагианства Римской церкви. Он нарисовал картину Римской церкви конца XVI и XVII веков как коррумпированной и угнетающей свободу науки и веры. Безбрачие подрывало семью, возвеличивание бедности – труд, фанатизм оправдывал умственную лень, а послушание, превозносимое как добродетель, подрывало совесть. Отказ от королевского суверенитета, брака, собственности и уверенности в себе ослаблял государство. [В противоположность этому он восхвалял протестантизм.

В это время Гегель также поддержал идею строительства церкви для университета, в котором обучалось 1800 студентов и проживало около 100 семей преподавателей. Берлин не унаследовал ни церковных средств, ни зданий, но в принципе дело было сильным.

Свои обязанности ректора он выполнял неукоснительно. Среди студентов не было вспышек демагогии. В одном случае немецкую шляпу приняли за французский кокард [революционный символ], что послужило поводом для комической истории на эту тему.

Глава семнадцатая Критика английского законопроекта о реформе 1831 года

Гегель ознакомился с Пруссией, с ее школами и казармами, которые так часто высмеивали и издевались над ней. Теперь он видел ее в ином свете. Розенкранц пишет:

«Он чувствовал себя там настолько дома, настолько счастливым, что отказался от конституционализма и стал искать спасение государств в монархическом принципе как таковом, даже лишенном народного представительства, бюджетов, свободы печати и общественного духа. […] Таким образом, его политические взгляды все больше и больше склонялись к консерватизму». (617)

«Народ» был просто массой атомов, голосование по налогам со стороны сословий [важная проверка исполнительной власти] было даже несправедливостью, поскольку ограничивало полномочия правительства; даже выборы представителей казались прибеганием к неразумию.

[Постскриптум: В этом блоге мы уже рассказывали о взглядах Жака Д'Хондта и Рудольфа Хайма на политику Гегеля в берлинский период. Я рекомендую эссе Вальтера Йешке «Последний год Гегеля в Берлине» в книге «Концепция действия Гегеля» (изд. Степелевич и Ламб. NJ:

Humanities, 1983) для информированного, недавнего обсуждения вышеупомянутых тем. – SC]

Это моя заключительная статья о жизни Гегеля, основанная на книге Розенкранца «Hegels Leben» (1844), первой биографии Гегеля. Я описываю последние слова Гегеля о политике и его ссору с Эдуардом Гансом, его последнюю внезапную болезнь и смерть, а также жизнь его сестры.

Глава девятнадцатая – Празднование последнего дня рождения Гегеля

В неопределенной политической обстановке после революции 1830 года во Франции разразилась эпидемия дьявольской холеры. Семья Гегеля переехала в Кройцберг, в сады Грюнов, где поселилась на верхних этажах виллы Кастель. Большинство его друзей уехали из-за эпидемии. В это время также происходили беспорядки. На его день рождения 27 августа 1831 года было устроено приятное собрание, которое рано распалось из-за бури. Гегеля призывали выступить против анархии. В стихотворении он ответил, что и другие должны это сделать:

«Как желанны добрые пожелания друзей.
Больше, чем пожелания, призывают [нас] к решению,
Высказаться, чтобы умолять
Всех, в том числе и друзей, охваченных безумием».
Но в чем же, предмет ваших жалоб, их преступление?
В том, что они слышат только себя и возвышают свой голос;
Так что речь, которая оберегает от зла,
должна стать лишь средством для увеличения несчастья.
Но если бы я выступил, как давно желал,
Твой призыв побудил бы меня снова заключить пари.
В надежде, что другие умы откликнутся,

Что дело не заглохнет в напрасных причитаниях.

Что они дойдут до людей, что они сделают это своим делом».

Это был ироничный ответ на приветствие Генриха Штиглица, адресованное Гегелю как «князю духов». Гегель, очевидно, осуждает тщеславие современных политических комментаторов, но без конкретики, не считая желания самому вновь вступить в дискуссию, что он вскоре и сделал.

Глава двадцатая Литературный завет

Гегель начал работу над вторым изданием «Науки логики», завершив первую часть новым предисловием, написанным 7 ноября 1831 года. Стоит отметить, что, переходя от первой книги («Бытие») ко второй книге современных изданий «Науки логики», мы фактически возвращаемся на 18 лет назад, с 1831 на 1813 год. В предисловии 1831 года ставится вопрос о том, остается ли в политической агитации место для науки.

Он написал письма с соболезнованиями фон Альтенштейну, потерявшему сестру, и Генриху Биру, потерявшему сына. Он вернулся на свои курсы в Берлин, где свирепствовала холера.

Произошло неприятное событие. Эдуард Ганс (1796—1839, вверху, портрет Вильгельма Гензеля) рекомендовал лекции Гегеля своим студентам. Гегель написал ему гневное письмо (см. корр. III, L687+n). Это было последнее, что он написал (ошибочно утверждает Розенкранц).

По словам Арнольда Руге, который слышал это в компании Ганса, наследный принц пожаловался Гегелю на республиканские лекции Ганса. Гегель решил читать лекции в следующем семестре, но лекции Ганса оказались более популярными среди студентов. Тогда Гегель написал свое гневное письмо. Ганс отменил свой курс, но студенты не стали переходить к Гегелю, так как Ганс был понятнее. Гегель прочел несколько лекций, но затем умер. Источник – мемуары Руге «Aus früherer Zeit», том 4, с. 431—433 (Берлин, 1867). Кажется, я припоминаю, что Терри Пинкард упоминает об этом в своей биографии, но интересно, что источник, похоже, в лучшем случае из вторых рук и более чем через тридцать лет после события. Если посмотреть на это немного глубже, то в оригинале письмо гласит:

«Профессору Гансу

Доротеенштрассе №4.

Средства информации, которые я могу назвать только «ненадежными», которыми вы решили воспользоваться, герр профессор, вывесив плакат, где вы сообщаете студентам о конкурсе, который был предметом обсуждения, и где вы позволяете себе рекомендовать мой курс этим студентам, – эти средства, говорю я, оправдывают меня в том, что я со своей стороны делаю публичное заявление, чтобы исправить то неприятное впечатление, которое ваше может произвести на наших коллег и студентов, – как если бы ваша афиша и рекомендация моих курсов были сделаны по моей

инициативе (как вы дали мне почти понять в вашей записке) и как если бы я был согласен с этим действием. Надежды по крайней мере тех, кто меня знает, не позволяют мне действовать подобным образом, и страх дать вам повод для новых неуклюжих действий заставляет меня выразить вам свое мнение о вашей афише, но не другой афишей, а только этими строками.

Искренне Ваш

Гегель

Конечно, какое-то более раннее письмо могло быть утеряно, но это наводит меня на мысль, что Ганс или кто-то другой мог сделать из этого историю после смерти Гегеля].

Глава двадцатая – Смерть Гегеля

Гегель внезапно умер 14 ноября 1831 года – в тот же день, что и Лейбниц, – в четверть пятого вечера, от вирулентной холеры, симптомы которой были менее явными, чем обычно. Розенкранц приводит длинное письмо Марии Гегель своей сестре Кристиане:

«Мне придется взять себя в руки и вкратце рассказать вам, как все произошло. Мой любимый муж почувствовал себя плохо с воскресенья до полудня, хотя завтрак прошел в самом хорошем настроении, жаловался на боль в животе и тошноту, без каких-либо погрешностей в режиме или озноба. Накануне, в четверг, он начал свои курсы, полный энергии и оживленный; в субботу он еще следил за экзаменами, а в воскресенье пригласил друзей на полдник. Я сообщила им об этом и полностью посвятила себя заботе о нем. По счастливой случайности доктор приехал сразу же, выписал рецепты – но его состояние не вызвало ни у кого из нас беспокойства. Боли в животе были терпимыми. Затем началась рвота, сначала без рвоты, потом с примесью желчи. У него уже были частые приступы такого рода. Всю ночь он провел в сильнейшем волнении. Я оставался у его постели и укрывал его гагачьим платком каждый раз, когда он садился в постели и поворачивался, хотя он несколько раз просил меня пойти и лечь и оставить его наедине с его раздраже-

нием. Боли в животе были не очень сильными, скорее «как зубная боль, когда нет положения, в котором можно найти покой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.